

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗД. ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

63(05)

Л-50

жк 16111

Вып. 1.

XLVI-й годъ изданія.

1916 годъ.

Дружески Габриелъ
Александръ

І. Дмитрій Михайловичъ Кравчинскій.

Біографическій очеркъ.

Дмитрій Михайловичъ Кравчинскій родился 10 ноября 1857 года въ селѣ Абрамовкѣ, Херсонской губерніи. Отець его, Михайль Ѡаддеевичъ, былъ военнымъ врачомъ сначала военныххъ поселеній, потомъ кievскаго гусарскаго полка и, къ концу жизни,—казеннаго госпиталя, въ гор. Славянскѣ, гдѣ и умеръ въ 1865 году.

Михайль Ѡаддеевичъ окончилъ Петербургскую военно-медицинскую академію; происхожденіемъ былъ бѣлоруссъ, изъ Витебской губерніи; по службѣ получилъ потомственное дворянство.

Дѣдъ Дмитрія Михайловича принадлежалъ къ низшему униатскому духовенству.

Мать Дмитрія Михайловича—Любовь Яковлевна, изъ южнаго дворянскаго рода, Левинскихъ, вышла замужъ за Михаила Ѡаддеевича очень молодой—16-ти лѣтъ и была на 20 лѣтъ моложе мужа. Дѣтей у Кравчинскихъ было четверо: старшая дочь, Анна Михайловна, обладала выдающимися способностями, отлично училась и окончила институтъ первой ученицей съ большимъ шифромъ. Умерла молодой, лѣтъ 30-ти, заразившись чахоткой отъ мужа; за нею былъ Василій Михайловичъ, болѣзненный и рано умершій юноша; затѣмъ извѣстный народоволецъ Сергій Михайловичъ «Степнякъ»—и, наконецъ, нашъ лѣсоводъ, Дмитрій Михайловичъ, бывшій на семь лѣтъ моложе брата, Сергія.

Любовь Яковлевна, по своему времени, была вполне образованной женщиной и рѣдкой души человѣкомъ. Хорошо владела французскимъ языкомъ, очень складно писала и была начитана. Оставшись послѣ мужа молодой и красивою вдовою, Любовь Яковлевна не вышла вторично замужъ, а вела совершенно уединенную жизнь на вдовью пенсію сначала съ Дмитріемъ, а потомъ съ внуками—дочерьми Анны Михайловны, всецѣло посвятивъ свою жизнь образованію и воспитанію дѣтей и внучекъ.

Умерла Любовь Яковлевна въ 1887 году.

Отъ нея-то унаслѣдоваль и пріобрѣль воспитаніемъ Дмитрій Михайловичъ любовь къ чтенію, къ порядку, къ жизни по средствамъ и тѣ душевныя качества, которыя заставляють всѣхъ знакомыхъ и друзей его прибавлять въ разговорѣ о немъ и даже въ печати къ имени и отчеству знітеть «милый».

Пошлемъ же душевный привѣтъ нашъ, свѣтлой памяти этой славной женщины!

Такимъ образомъ мы видимъ, что семья Кравчинскихъ была на рѣдкость даровитая, начиная, очевидно, съ Михаила Ѡаддеевича, сумѣваго выбиться изъ бѣдной бѣлорусской семьи причетника на широкое поле служенія родинѣ интеллигентнымъ трудомъ.

Анѣ Михайловнѣ, какъ женщицѣ, въ то время не было мѣста для общественнаго примѣненія своей даровитости.

Интеллектъ Сергѣя Михайловича—«Степняка»—всѣмъ извѣстенъ.

Жизненное же дѣло Дмитрія Михайловича—на глазахъ у всѣхъ насъ, старыхъ и молодыхъ лѣсничихъ.

Дѣтство Дмитрія Михайловича, до смерти отца, было цыганское, кочевое. Съ 9-ти мѣсячнаго возраста нашъ лѣсоводъ скитался за отцомъ и полкомъ въ кибиткѣ по югу Россіи—въ Елизаветградъ, Умань, Чугуевъ, Сланянекъ.

Послѣ смерти Михаила Ѡаддеевича, Кравчинскіе жили въ Харьковѣ, гдѣ маленькій Дмитрій съ сосѣдними мальчуганами игралъ въ бабки и почти всегда проигрывалъ. Съ однимъ изъ пріятелей—сыномъ огородника, Митькой, нашъ Дмитрій «ходилъ на охоту», на конную площадь бить голубей желѣзными палками, за что оба Митьки чуть не были выдраны лавочниками. Эта охотничья страстишка осталась у Дмитрія Михайловича и до сихъ поръ.

Лѣтъ десяти Дмитрій Михайловичъ былъ отданъ матерью въ нѣмецкую школу при киркѣ. Въ этой Kirchenschule учили плохо и были въ ходу линейка и квадратикъ по рукамъ и по штанамъ. Царилъ русско-нѣмецкій жаргонъ:

«Er hat Figa съ масломъ gegessen!»—«Er hat по штанамъ bekommen» и т. д.

Въ Kirchenschule Дмитрій Михайловичъ пробылъ съ годъ. Узнавъ, что тамъ воспитанниковъ деруть, Любовь Яковлевна явилась къ главному учителю, пастору Herr'у Krenkel'ю и просила его, въ случаѣ чего, Митю не драть, а лучше уволить.

Петт Krenkel очень любезно обѣщалъ исполнить эту просьбу и на прощаніе сказалъ Любви Яковлевнѣ:

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ *бить Ваишъ сынъ!* (т. е. быть Вашимъ сыномъ).

Изъ Kirchenschule, лѣтъ 11-ти, Дмитрій Михайловичъ, какъ сынъ военнаго врача, поступилъ въ полтавскую военную гимназію, потомъ кадетскій корпусъ, куда былъ принятъ въ первый классъ, но черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ во второй.

Въ корпусѣ учили мало, а больше стерегли воспитанниковъ.

Царило массовое бездѣліе и скука, такъ какъ воспитатели на все смотрѣли сквозь пальцы и не интересовались успѣхами каждаго ученика въ отдѣльности.

Вотъ тутъ-то, въ корпусѣ, нашъ будущій лѣсоводъ и увлекся чтеніемъ; читалъ и читалъ безъ конца и безъ системы, движимый лишь потребностью саморазвитія и самообразованія. Къ концу корпуснаго курса, все, что полагалось къ тому времени усвоить «развитому» молодому человѣку: Бокль, Дрэперъ, Смайльсъ и пр.—было Дмитріемъ Михайловичемъ протудировано. Тутъ же, еще въ корпусѣ, Дмитрій Михайловичъ самоучкой выучился читать à livre ouvert по-французски и по-нѣмецки.

Оффиціально же по успѣхамъ былъ впереди другихъ лишь по русскому языку и по естествознанію; математическими же способностями, какъ и вообще склонностью къ абстракціи, не обладалъ, и въ общемъ шелъ лучшимъ изъ среднихъ. Корпусъ Дмитрій Михайловичъ окончилъ въ 1874 году.

Приѣхавъ въ Петербургъ, Кравчинскій пытался поступить въ Земледѣльческій Институтъ, но принятъ не былъ, такъ какъ ему не хватало полныхъ 17-ти лѣтъ.

Держалъ и выдержалъ неважно экзаменъ въ Технологическій Институтъ.

Такъ какъ математическая техника была не изъ любимыхъ предметовъ его, то, прослушавъ нѣсколько лекцій по математикѣ и побывавъ въ чертежной, Дмитрій Михайловичъ большую часть времени проводилъ въ Публичной библіотекѣ, гдѣ читалъ и читалъ, налегая больше на естественныя науки; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дмитрій Михайловичъ вышелъ изъ Технологическаго Института и держалъ экзаменъ на второй курсъ Земледѣльческаго.

Выдержалъ отлично и получилъ казенную стипендію.

За годъ до того ушелъ изъ того же Института братъ его, Сергій Михайловичъ.

Въ 1876 году, еще студентомъ, Дмитрій Михайловичъ женился. Жена его, почтенная Марія Алексѣевна, какъ превосходная хозяйка, много помогла Дмитрію Михайловичу въ научномъ его совершенствованіи, отвлекая отъ него все «въ міръ житейское», что и давало ему всегдашнюю возможность имѣть досугъ для чтенія и работы.

Въ Земледѣльческомъ Институтѣ Дмитрій Михайловичъ пробылъ три года и окончилъ его въ 1877 году; съ 22-го ноября того же года Кравчинскій былъ оставленъ при Институтѣ ассистентомъ профессора А. Ф. Рудзкаго, по кафедрѣ лѣсной таксаціи.

Какъ извѣстно, покойный, «русскій Пфейль», А. Ф. Рудзкій, былъ очень талантливымъ, даровитымъ и знающимъ техникомъ, но не былъ ученымъ, въ полномъ значеніи этого слова. У Рудзкаго не было научной основы, научнаго метода въ работахъ.

Поэтому, хотя фактически Дмитрій Михайловичъ и былъ ученикомъ Рудзкаго, но не могъ быть его ученикомъ въ научномъ смыслѣ.

Какъ люди разныхъ научныхъ подготовокъ, но оба сильно даровитые, они, несомнѣнно, одинаково научно вліяли одинъ на другого и были въ одно время и учителями и учениками другъ друга.

Научно-конкретный складъ ума Кравчинскаго сразу былъ замѣченъ Ф. А. Баталинымъ, по первой же работѣ Дмитрія Михайловича: «Вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ», 1876 г.

Въ 1879 году Кравчинскій былъ командированъ на два года за границу.

Заграницей Дмитрій Михайловичъ пробылъ съ годъ; второго года не выдержалъ.

Смотрѣлъ на нѣмецкое лѣсное хозяйство и не понималъ, чему тамъ русскому лѣсоводу «учиться».

Дайте намъ 80 рублей за кубическую сажень и въ 3000 десятинъ лѣсничество, и у насъ хозяйство въ лѣсахъ будетъ не хуже нѣмецкаго.

Съ полгода просидѣлъ Дмитрій Михайловичъ въ Тарандтской академіи и опредѣлялъ тамъ фосфорную кислоту, въ образчикахъ лѣсныхъ почвъ, словно этого нельзя было сдѣлать и дома. Затѣмъ мѣсяца три пробылъ въ Чехіи, въ Вейсвассерѣ, гдѣ было лѣсное училище, вродѣ Лисинскаго, во главѣ съ австрійскимъ лѣсничимъ Fiscali. Послѣ Вейсвассера, Дмитрій Михайловичъ направился въ Нейштадтъ-Эберсвальде, недалеко отъ Берлина, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ Дакельманомъ и прослушалъ нѣсколько его лекцій. Видѣлъ также не менѣе извѣстнаго профессора Альума — зоолога и клерикала. Сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ сосѣднюю лѣсную дачу вмѣстѣ со

студентами. Пробыль тамъ съ мѣсяць. Изъ Эберсвальде Дмитрій Михайловичъ переехалъ въ Гиссенъ, къ профессору Гессу, оставившему, какъ ученый, посредственное впечатлѣніе. Оттуда Дмитрій Михайловичъ дѣлалъ экскурсіи въ окрестности (Schittenbergen Revier).

Въ Гиссенѣ Дмитрій Михайловичъ пробыль съ мѣсяць и переехалъ въ сѣверную Баварію, въ Ашаффенбургъ, гдѣ было тогда лѣсное училище и преподавалъ Рудольфъ Веберъ, красивый и весьма симпатичный брюнетъ. Съ Веберомъ Дмитрій Михайловичъ экскурсировалъ въ rev. Hain, гдѣ Веберъ состоялъ лѣсничимъ, чтобы доказать «практикамъ», что хозяйничать въ лѣсу можетъ и наука.

Больше года сидѣть «въ нѣмцахъ» Дмитрію Михайловичу надоѣло. Изъ Ашаффенбурга онъ переехалъ въ восточную Пруссію, въ казенное лѣсничество, недалеко отъ города Инстербурга. Пробыль очень недолго и сбѣжалъ домой, возвратясь въ первобытное состояніе, на должность ассистента въ Лѣсномъ Институтѣ.

Отчета о командировкѣ Дмитрій Михайловичъ не составлялъ, а Департаментъ и не требовалъ.

Въ послѣдующіе два года Дмитрій Михайловичъ писалъ свое «Лѣсовозращеніе».

Окончивъ «Лѣсовозращеніе», оставилъ Лѣсной Институтъ съ его дрязгами и окунулся въ житейскую лѣсную практику, сдѣлавшись лѣсничимъ 2-го Шиповскаго лѣсничества, Воронежской губерніи.

Порядки захватилъ старинные; Управленіе, какъ всѣ Управленія, тогда, нынѣ и присно, и, кажется, навѣки вѣковы,—одинаковыя. Познакомился на дѣлѣ съ тогдашними Департаментскими «ангелами», въ лицѣ вице-инспектора Пшеничникова, приѣзжавшаго провѣрить, вѣрно ли и на основаніи всѣхъ ли циркуляровъ «по Верехѣ», ведется въ Шиповскомъ лѣсу хозяйство и не упущены ли лѣсничемъ какой-нибудь циркуляръ или параграфъ инструкціи.

Изъ 2-го Шиповскаго лѣсничества Дмитрій Михайловичъ перешелъ въ Лисино, на должность преподавателя лѣсоводства и ботаники, вмѣсто отказавшагося отъ этого удовольствія В. А. Тихонова, предпочевашаго, на короткое время, впрочемъ, остаться лисинскимъ лѣсничимъ.

Преподавалъ Дмитрій Михайловичъ въ Лисинскомъ училищѣ три года и затѣмъ, съ закрытіемъ этого училища и открытіемъ низшихъ лѣсныхъ школъ, сталъ лѣсничимъ Лисинскаго лѣсничества и завѣдующимъ лѣсной школой, принимая участіе и въ научно-практическомъ руководствѣ, работами студентовъ Лѣснаго Института.

Такъ, съ 1888 года Дмитрій Михайловичъ и ведетъ въ Лисинской дачѣ, дѣйствительно образцовое, научное, доброе хозяйство. Въ 1896—1897 г.г., силами учениковъ школы и собственными, устроилъ Лисинскую учебную дачу, площадью 26,000 десятинъ, съ расходомъ отъ казны только 1.000 рублей, причемъ выдѣль участковъ былъ инструментальный.

И это было первое въ Россіи лѣсоустройство, по типамъ, или вѣрнѣе, на основаніи типовъ насажденій.

Не будучи склоненъ по натурѣ своей и по складу ума, конкретно-научному, къ политической и вообще къ широкой общественной дѣятельности, всю свою эмоціальную сторону натуры Дмитрій Михайловичъ направилъ на интересы научнаго лѣсного хозяйства и первымъ изъ лѣсоводовъ примѣнилъ къ лѣсоводству чисто научный индуктивный методъ изслѣдованія и, въ предѣлахъ накопившихся къ нашему времени научно-опытныхъ данныхъ, далъ въ своемъ курсѣ «Лѣсовозращеніе», первый строго научный сводъ ученія о лѣсохозяйственномъ растеніеводствѣ.

Эрудиція Дмитрія Михайловича громадна; качество ея широко: по главная цѣнность,—это особый магнитъ въ головѣ, обладающій природной способностью вытягивать изъ кучи всемірныхъ лѣсоводственныхъ «опытовъ и наблюденій» все точное и научное обоснованное, систематизировать, обобщить и поставить на свое мѣсто въ ученія о лѣсовозращеніи.

Это не компиляція, не научное «маркособирательство» (Briefmarkengelehrsamkeit); это—строго научная систематизація точнаго значенія въ данной области.

Литературный языкъ Кравчинскаго скупъ и кратокъ, точенъ и ясенъ, какъ проста и ясна точная научная мысль.

Вся суть научно-практической и литературной дѣятельности Дмитрія Михайловича Кравчинскаго и заслуга его передъ русскимъ лѣсоводствомъ можетъ быть выражена въ немногихъ, но большихъ по содержанію словахъ:

1. Начиная съ первыхъ студенческихъ работъ и «Лѣсовозращенія» 1883 года, Дмитрій Михайловичъ неустанно учитъ русскихъ лѣсничихъ *научно мыслить* и научно наблюдать.

2. Научаетъ *обобщать* то, что лѣсной хозяинъ видитъ и описываетъ въ лѣсу. *по совокупности* признаковъ почвы и пасаженія: отсюда его *хозяйственные типы насажденій* и хозяйства на

основаніи этихъ тиновъ; (для Лисинской дачи хозяйства: ель, сосна, боровая, сосна болотная, береза болотная, береза суходольная и пр.).

3. Установленіемъ въ Лисинской дачѣ правилъ хозяйства въ еловыхъ лѣсахъ, на примѣрѣ, свойственномъ *природѣ* даннаго лѣса, Кравчинскій указалъ намъ правильный путь къ установленію и веденію разумнаго «добраго» хозяйства на научной основѣ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ лѣсахъ.

Подъ «научностью» Дмитрій Михайловичъ понимаетъ не теоретическую самодовлѣющую научность, удовлетворяющую высшей аристократической потребности человѣка—*пытливости*, а служеніе точной научной мыслью и научной логикой идеѣ доброй хозяйственности, имѣющей цѣлью доброе хозяйство, въ частныхъ случаяхъ, и добрую государственность—въ цѣломъ—(разумное и справедливое устройство жизни).

Научную теоретическую мысль, долженствующую быть удѣломъ немногихъ, онъ высоко чтитъ и цѣнитъ, служеніе же методомъ научной идеѣ доброй хозяйственности, обязательное для всѣхъ просвѣщенныхъ гражданъ, предпочитаетъ, и этому служенію посвятилъ всю свою жизнь.

Такъ отъ юныхъ до почтенныхъ лѣтъ, Дмитрій Михайловичъ служилъ тріединному Богу земли: идейности-интеллигентности-дѣловитости.

Этотъ Богъ съ нимъ и онъ въ немъ.

А потому и живетъ онъ скромно и тихо одинокомъ отшельникомъ въ глухомъ Лисинѣ, отъ молодыхъ лѣтъ до старости; не видно его въ министерскихъ прихожихъ и въ департаментскихъ кабинетахъ, ибо самъ онъ директоръ научнаго лѣсоводства и профессоръ «добраго лѣснаго хозяйства». Аудиторія его—вся Русь лѣсная.

Русскій лѣсъ забралъ въ себя цѣликомъ Дмитрія Кравчинскаго и въ глубинѣ русскаго лѣса нашелъ онъ свое счастье.

Кравчинскій остался простымъ лѣсничимъ. И отъ этого онъ еще виднѣе, ибо онъ *Большой Лѣсничій!*

А намъ, маленькимъ лѣсничимъ, и жить, и работать отъ этого легче и охотнѣе.

Ибо мы знаемъ, что тамъ, въ Лисинѣ, всегда горитъ и свѣтитъ ровнымъ и тихимъ пламенемъ свѣтильникъ знанія и любви къ лѣсу; и отъ этого знанія и свѣтло, и тепло на дуплѣ нашей.

Скоро будетъ сорокъ лѣтъ славнаго служенія Дмитрія Михайловича Кравчинскаго русскому великому лѣсу въ самомъ же лѣсу и хозяиномъ, и работникомъ въ одно и то же время.

И за это родной лѣсъ плетъ ему русское «спасибо» и по всему необъятному пространству своему, еще никѣмъ неизмѣренному, шумитъ своему лѣсоиспытателю и учителю учителей нашихъ:

— Дмитрію Кравчинскому—честь!

— Дмитрію Кравчинскому—слава!

— Дмитрію Кравчинскому на долгіе и долгіе годы здоровье и мощь.

С. Конардовъ, лѣсничій.

С. Баки.

Декабрь 1915 г.